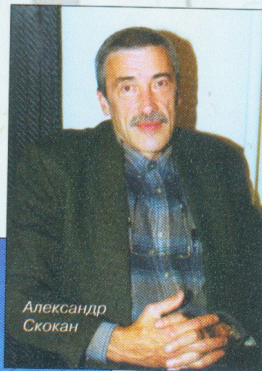

ПРАВИЛА ИГРЫ

от Александра Скокана

Пути развития современной российской архитектуры – тема, неизменно интересующая как специалистов, так и нашего читателя, ведь интерес реального, потенциального застройщика не может ограничиваться его собственным домом: он длится, продлевается во времени, хотя бы потому, что любой домовладелец всегда задумывается о том, в каких домах будут жить его дети, внуки и правнуки или – среди какой архитектуры они будут выстраивать свою жизнь. Практика, теория, философия архитектуры – вот те основные пункты, следуя которым мы пытаемся определить свое понимание данной темы, и все наши попытки, конечно же, не имели бы права на существование без помощи профессионалов. Наш сегодняшний собеседник – Александр Андреевич Скокан, член-корреспондент Международной академии архитектуры, член-корреспондент Российской академии архитектуры и строитель-

ных наук и директор архитектурного бюро «Остоженка», чьи проекты – здание Московского международного банка на Пречистенской набережной, дома в Саймоновском проезде, многочисленные офисные здания – получили престижные премии и были оценены официальными и независимыми критиками как лучшие проекты последнего времени.

Александр Скокан

НАУКА МЫЛЬНОГО ПУЗЫРЯ

– Александр Андреевич, опасаясь впасть в банальность, тем не менее, начну наш разговор с такого вопроса: стиль, по черк, установки архитектурного бюро «Остоженка»?

– Будем считать, что Ваши опасения оправдались... Говорить о стиле, идеологии той или иной архитектурной мастер-

ской стало действительно общим местом. И я всегда стараюсь избегать этого вопроса, точнее ответа на него. Проектировщик вряд ли специально задается каким-либо стилем в процессе работы. Правда, очень часто от коллег и теоретиков я выслушивал упреки в том, что следует иметь свое кредо, даже лозунг, заявлять и нести определенную архитектурную идеологию. Что ж... Если уж Вы задали мне этот вопрос, то давайте подойдем к этой теме с другой стороны. Что представляет собой современная архитектура? Если судить по специальным журналам, которые мы получаем в бюро и прочитываем, по конкретным зданиям, строящимся в Москве, по проектам, выставленным на смотрах и выставках, возникает стойкое ощущение того, что современная архитектура утратила свой язык – ей больше нечего сообщать. Она стала необязательной, чрезмерной, излишней в своих форматворческих поисках. И данная ситуация характерна не только для архитектуры, но и для других ви-

дов искусства – литературы, живописи, когда за отсутствием собственных идей перебираются идеи или приемы других жанров, комбинируются элементы различных стилей, школ, эпох, идеи чужие или прошлых времен, обыгрываются классика, традиции.

В создавшейся ситуации безызычия наиболее оптимальным выходом видится трезвый, рациональный подход архитектора, чье решение будет детерминировано сугубо инженерными, техническими и технологическими проблемами, необходимостью и целесообразностью. Вот вам замечательный пример такого решения. Точнее, два примера. Стек-

Офисное здание на Тверской улице.
Архитекторы: А. Скокан,
А. Гнездилов, К. Гладкий

– с явлением живой природы. Ситуация такого диалога более чем полезна современной архитектуре, так как появляется не надуманный, а реальный импульс для творческого акта, решения, высказывания. Остальное – дело логики и профессионального мастерства. В случае перекрытия двора музея эта логика безупречна – представьте себе «поведение» мыльного пузыря, вздутого над этим двором, в который погружается цилиндр. Образовавшаяся в результате этого криволинейная поверхность идеальна, так как единственно возможна. Дальше остается расчлнить эту поверхность треугольной сеткой, задать размеры и сечение каждого треугольника и собрать все это в натуре. Как результат, абсолютная гармоничность созданного пространства. Очевидно, современному архитектору стоит более внимательно относиться к окружающей природе, попросту учиться у нее, к примеру, у того же самого мыльного пузыря, а не заниматься собственными, не имеющими порой никакого отношения ни к заказчику, ни к месту застройки изысками.

Эффект гармоничного взаимоотношения совершенных инженерных сооружений (мостов, акведуков, башен) с природным и историческим окружением был найден еще в

XIX веке. В большинстве своем эти объекты были продуктом инженерной мысли, но именно они дали толчок развитию современной архитектуры в XX веке.

– Вы определили ситуацию и возможный выход из нее. На Ваш взгляд, это единственное направление для современной архитектуры?

– В свое время в одном из интервью мне был задан вопрос: «Что Вы считаете архитектурным чудом в мире?» Я назвал два объекта, которые я рассматриваю как архитектурное чудо. Это церковь Гутенберга в Бильбао. Первое «чудо», очевидно, не нуждается в комментариях, а о втором скажу следующее.

Здание музея в Бильбао спроектировалось американским архитектором Френком Гери. Гери – известный в профессиональном мире шутник, который однажды пошутил и с тех пор стал в моде. Его приглашают строить по всему

Офисное здание на Трубной улице.
Архитекторы: А. Скокан, В. Канышин, Alsop Architects,
Дж. Мак Адам, М. Айхнер

Жилой дом в 1-м Обыденском переулке.
Архитекторы: А. Скокан,
А. Гнездилов, Е. Копылова

Офисное здание ГлавУПДК
в Курсовом переулке.
Архитекторы: А. Скокан, Д. Гусев,
К. Гладкий, И. Воронежский

миру – Прага, Париж, Берлин, Бильбао – и каждое его здание немедленно становится местной достопримечательностью. Если по началу его шутки были более-менее неожиданными, то затем он попал в тираж, и от него теперь ждут еще более веселых шуток. Это туликовая ситуация. Так вот, на мой взгляд, существуют два пути развития современной архитектуры. Первый – создавать нечто, тяготеющее к логике, простоте, точности и целесообразности. Второй – создавать нечто, тяготеющее к сложным пластическим экспериментам, по определению излишнее и потому необязательное, имеющее большее отношение к скульптуре, чем к архитектуре. Конечно, мне ближе первый путь. Ведь во втором случае зачастую извращается сама постановка архитектурной задачи: в неистовых и самоценных попытках эстетического самовыражения архитектор порой совсем забывает о заказчике, о цели и мысли проекта.

МИФЫ О НЕДВИЖИМОСТИ

– Думаю, самое время перейти к состоянию дел в российской архитектуре. Согласитесь, что в Москве заметно повысился уровень строительной активности...

– Давайте подойдем к вопросу с позиций недавней истории. Все мы жили долгое время в советской стране со своей экономикой и стройиндустрией, где существовал только социальный заказ. Затем, с перестройкой, появился коммерческий заказчик. И мы, архитекторы, и этот заказчик уже 10-15 лет живем в абсолютно иных социальных условиях. Понятно, что никто не знал, что строить, и главное, как... Источником информации для нас о том, что и как – я гово-

рю не только об архитектуре – были кинофильмы, журналы, заграничные путешествия. Мы «учились», запоминали, переносили все это на нашу почву. Бесхитrostное копирование... Поэтому наши жизненные стандарты оказались сырыми и непрочными. Если та же самая одноэтажная Америка, о которой писали Ильф и Петров, более 100 лет формировала и развивала свои стандарты, свой образ жизни, культуру, то у нас на это про-

сто не было времени. Да и ждать-то никто не хотел. В результате на сегодняшний день по всему Подмосковью огромное количество заброшенных объектов, в процессе строительства которых сами заказчики поняли, что такие постройки не имеют никакого отношения к реальной жизни.

Теперь рассмотрим ситуацию в Москве. Вы сказали, повысился уровень строительной активности... Да, повсюду продаются квартиры в элитных домах, активно рекламируются самые разнообразные строительные предложения. Но что это на самом деле? Это квартиры без отделки, пустые помещения в 100-300 м². Говоря о ситуации на строительном рынке, я бы сказал так: рекламируются и продаются даже не дома, не квартиры, а мифы! «Палата муравьев», «Белгравия» (престижный район в Лондоне, причем здесь Москва?)... Вот недавно я видел такую рекламу: «Продаются квартиры в элитном доме на Тверской, 23. Рядом филармония, два театра и аквапарк». Какой же это аквапарк?! Такого количества воды на Маяковке никогда и не было! Оказывается, это не аквапарк, а сад «Аквариум» напротив театра Моссовета. То есть, очевидно, реклама рассчитана на людей, которые знают Москву только по телевизору или – еще лучше – по радиоприемникам. Так создаются мифы о недвижимости, некий виртуальный мир недвижимости, не имеющий никакого отношения к реальному. И строители, и архитекторы в своем неодолимом желании поскорей продать свой товар забывают о том, что архитектура это нечто основательное, архитектура по крайней мере должна пережить своего архитектора... Это же не машина, которую можно купить, а после эксплуатации выбросить. И если уж это товар, поскольку сейчас у нас

все товар, то все равно в первую очередь архитектура есть средоточие исторических, культурных, художественных и инженерных факторов и традиций.

– А как же историческая застройка города? Ведь этот фактор должен непосредственно влиять на современное строительство...

– Отношения архитектуры с историей не просты и имеют много сторон, включая вопросы преемственности развития архитектурного облика города. Ответы на эти вопросы проектировщики дают различные. Вот, к примеру, стоит в центре Москвы дом XIX века. Рядом строится новый. В лучшем случае для «соблюдения» исторического контекста проектировщиками просто переносятся на новый дом какие-то детали стиля, украшения – капители, карнизы и т.д. То есть осуществляется примитивная экстраполяция стиля, тавтология того, что было 100 лет назад. С точки зрения невзыскательного горожанина, такое решение вроде бы приемлемо, так как цадит нормальную человеческую психику, болезненно воспринимающую резкую смену пространственного окружения. Как обыватель я с таким подходом согласен, но здесь встает вопрос качества этих новоделов, так как уровень как проектного, так и строительного воплощения в подавляющем большинстве случаев не выдерживает никакой критики. А с профессиональной и общекультурной точки зрения такие подделки и фальшивки просто безнравственны.

ДИАЛОГИ С ЛОГИКОЙ

– От строителей и архитекторов вернемся к заказчикам... которым, вероятно, весьма сложно разобраться в столь хаотичной ситуации строительных предложений. Давайте рассмотрим конкретный случай: приходит заказчик в ваше бюро...

– Приходит в наше бюро... Вообще заказчики бывают двух типов. Чисто коммерческий заказчик, то есть прагматик, которому не нужны никакие архитектурные изыски и самовыражения, ему нужен удобный, практичный дом. И второй тип: заказчик со своими художественными претензиями и представлениями о доме, со своими, зачастую весьма

туманными образами, в которых весьма сложно разбираться. Конечно, легче и продуктивнее работать с первым заказчиком. Суть нашей работы с ним заключается в том, чтобы помочь ему уяснить задачу: определить потенциал места застройки, площадь, этажность дома, изучить историю ландшафта и начать диалог с местом, диалог вокруг объекта, то есть определить, как будут развиваться отношения будущего дома и окружающей среды, на чем будет строиться их взаимная гармония – на подобии или контрасте.

Далее, уже непосредственно при проектировании начинается диалог собственно с объектом. Это очень интересный момент! В начале отношения с объектом строятся на интуитивном уровне. Они пока плохо проговариваемы, плохо вербализуются. Это какие-то обрывки слов, невозможность ясного и четкого формулирования. Затем – по мере формирования структуры объекта и последовательного проникновения в него – диалог переходит на более высокий уровень. Наконец наступает такой момент, когда объект в буквальном смысле оживает и устанавливается равноправный диалог, когда объект начинает диктовать, четко формулировать архитектуру то, что ему требуется. Таким образом, выстраивается логика процесса: что за чем и как должно следовать. Вы задавали мне вопрос о стиле? Так вот, если хотите, стиль для меня это принципиальная и четкая последовательность действий и ясная логика.

– Тут позвольте мне такой вопрос. Вы определили стиль как логику. В вашем бюро работает 20 архитекторов. И вероятно, каждый из них ведет свой проект. Насколько совпадают

Жилой дом на улице Климашкина.
Архитекторы: А. Скокан,
В. Каняшин, А. Асс, Е. Винтова

их стилиевые пристрастия с Вашим доминирующим принципом логики? Ведь проектировщик может следовать Вашим принципам, но в конце концов сделать что-то по-своему...

— Если художник или архитектор занимается субпо индивидуальным творчеством, то возможно все — и свой стиль, и свой почерк, сознательное их смешивание, сознательная эклектика. Но реальный архитектурный процесс, начинающийся с «почеркушки», — громоздкий и сложный, и главное, коллективный. И потому в силу его громоздкости и сложности логика процесса необходима как воздух. С другой стороны, мы работаем в команде на одну цель, это профессия; индивидуальное творчество остается за скобками. Поэтому если кто-либо из наших архитекторов и увлечется, то я вступаю с ним в равноправный рабочий диалог. Я должен понять, почему он принял именно такое решение, и если он убедит меня в своей правоте, то я, конечно, с ним соглашусь. Как видите, весь процесс проектирования имеет диалогический характер: диалог с заказчиком, с местом застройки, с объектом, с коллегами, а по существу, один непрерывный диалог с логикой рождающегося на твоих глазах проекта.

диалоги с логикой *Человек Играющий*

— Поговорим о прошлом, Александр Андреевич. Насколько изменилось понимание и видение Вашей профессии с тех самых советских времен, со времен Вашего студенчества?

— Могу сказать, что значительных изменений

Офисное здание на улице Щепкина.
Архитекторы: А. Скокан, В. Каняшин, А. Демидов, И. Воронежский

в видении своей профессии я не претерпел. Более того, скажу, что в сегодняшнем мире обитают стили и моды самых различных времен, в том числе и времен моей молодости. Вообще мы живем в странное время, когда Время остановилось... Все вернулось, и в принципе нет ничего нового. Архитектор может легко играть со всевозможными художественными направлениями. Это как игра с мозаикой. Мы как бы знаем все, и мы абсолютно циничны. Мы можем взять тот или иной элемент стиля, декора и использовать его в проектировании. Причем мы не проживаем какое-либо художественное направление, мы просто используем его с большим или меньшим умением — артистизмом. Не талантом, а именно артистизмом.

— Знаменитый нидерландский философ Йохан Хейзинга в свое время написал книгу «Homo Ludens», или «Человек играющий», в которой доказывал, что основы культуры заключаются в игре как высшем проявлении человеческой сущности. Что Вы думаете по этому поводу?

— Вы говорите об игре по самому высокому счету. Да, художник играет, и всегда играл. Вспомним первую половину XX века. Тогда художники в максимально сжатый срок проживали модерн, конструктивизм, классику... Но в отличие от нашего времени они проживали все это многообразие искренне. При этом были Сталин, речи Жданова. То есть ситуация была драматичной. Если какой-либо художник, писатель, архитектор не попадал в официально признанный стиль, то он просто исчезал со сцены... Все было по-настоящему. Художественные поиски, переживания, расплата. Вспомните Константина Мельникова, его новаторство и его судьбу... Такие игры игрались без всякой иронии. И по самым строгим и суровым прави-

лам. А ныне люди играют зачастую вообще без правил. Об архитектуре я уже говорил. А если говорить о ситуации в мире, то вспомним недавние сентябрьские события в Америке. Тоже в некотором роде игра, жуткая игра... Мы можем с Вами говорить об архитектуре, о том, что две башни Международного торгового центра в Нью-Йорке были исполнены в псевдоготическом стиле, но однажды их не стало. Как и не стало тысяч людей. Архитектурный стиль, тенденции — какое это имеет значение? Мир, достигший технологического совершенства, оказался на поверку очень уязвимым, хрупким и призрачным... Так что «человек играющий» — понятие чрезвычайно емкое. Человек играет в разные игры и по-разному — честно, нечестно, со светлыми или темными намерениями, наконец, по правилам или нет.

— Что же все-таки ожидает архитектуру в новом веке и, очевидно, новом мире?

— Я думаю, мировая архитектура вновь обратится к социальной проблематике. Появятся новые социальные, массовые заказы. Соответственно архитектура станет прагматичной, экономной, актуальной — правильной. В XX веке было зря потрачено столько ресурсов, что главная идея новой архитектуры будет заключаться в их тотальной экономии. А какое она обретет лицо, я не берусь судить. Я думаю, что в свете последних событий Америка, например, станет еще в большей степени «большой

деревней», какой она, собственно, и является, мегалополисы постепенно утратят свое ключевое значение. Но в отличие от нашей «большой деревни» американская будет объединена «всемирной паутиной» телекоммуникаций, что в свою очередь также делает ее уязвимой. Быть может, то же случится и с Россией, но гораздо позже.

— При всех происходящих событиях последнего времени все-таки хочется надеяться, что мир исполнен добра — логики добра. Позвольте мне в заключение задать вопрос личного свойства. Понятно, в профессии — четкость, логичность, необходимость и целесообразность. А в жизни Вы придерживаетесь тех же принципов?

— Вы задаете странный вопрос... Я живой человек, и мне, как и всем, свойственно ошибаться и заблуждаться. Не могу сказать, что у меня есть какая-то определенная философия. Есть конкретный жизненный путь, и есть вопросы, которые задают мне жизнь, на которые мне нужно находить точные ответы. Конечно, я стараюсь обрести в этом мире некую закономерность. Обрести законы, которые оградили бы меня от всего случайного. И если я их не вижу, я чувствую себя дискомфортно и не могу относиться позитивно ни к жизни, ни к своей профессии.

Беседу провел А. КАН.

Офисное здание в 1-м Обыденском переулке.
Архитекторы: А. Скокан, Д. Гусев, М. Елизарова

Конкурсный проект жилого комплекса на Большой Якиманке.
Архитекторы: А. Скокан, В. Каняшин, И. Ивлев, М. Скорюход, И. Воронежский, Т. Магомедов